

Марк Аврелий

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

«Время человеческой жизни — миг, ее сущность —
вечное течение, ощущение — смутно, строение
всего тела — бrenно, душа — неустойчива,
судьба — загадочна, слава — недостоверна».

Марк Аврелий Антонин

Наедине с собой

Серия «Наука. Большие идеи»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48884382

Наедине с собой:

ISBN 978-5-17-114823-2

Аннотация

Сложно поверить, что столь созвучными современности могут быть личные записи человека, жившего почти за 2000 лет до нас. Невозможно представить себе, что их автором был император Римской империи. Удивительно, что это изложение морали человека, противопоставлявшего себя христианам и подвергавшего их ранние общины гонениям.

Марк Аврелий Антонин (121–180), как принято считать, развил и переосмыслил философию стоика Эпиктета (ок. 50–138). Впрочем, в этом мнении утвердились его потомки, а сам философ, вернее всего, не ведал о том: в часы, свободные от государственных занятий, он делал личные записи, которые были опубликованы через много веков после его смерти.

Размышления, записанные на койне, неоднократно переводились на русский язык начиная с XIX века, что говорит о неослабевающем интересе к этому тексту.

Содержание

Предисловие[1]	5
Первая книга	11
Вторая книга	27
Третья книга	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Марк Аврелий

Наедине с собой

«В жизни Марка Аврелия было столько хорошего, а в мыслях его – столько мудрого, что мы займемся ими и оставим в стороне его ошибки: они касаются его, а не нас. Мыслями же его мы можем воспользоваться: в них мы найдем много такого, что поможет нам самим жить лучше».

Лев Толстой

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

Предисловие¹

Перед нами дневник императора Марка Аврелия, который никогда не предназначался автором для публики, о чем свидетельствует само заглавие записок. <...>

В этой книге император отдает себе самому отчет о всем течении своей внутренней жизни, отмечает в ней – для более ясного понимания самого себя – несомненные, по его мнению, основные истины, которые бы руководили им и все строже и теснее обязывали его не выходить из пределов раз установленной нормы жизни. Если представляется интересным и поучительным ознакомление с воззрениями каждого выдающегося человека на важные вопросы, каковы отношение человека к Богу, к ближнему, к самому себе и к жизни, то интерес этот и поучение еще возрастают, когда перед нами такое лицо, коего мирозерцание и убеждения решали судьбу мировой империи. Такой всемогущий император

¹ Это предисловие к первому полному переводу дневников Марка Аврелия на русский язык (до того известен был лишь неполный перевод с немецкого «Академии наук секретаря» С. С. Волчкова, выполненный в XVIII в.) написано переводчиком, князем Л. Д. Урусовым. Дневник был напечатан в Туле в 1882 г. под заголовком «Размышления императора Марка Аврелия Антонина о том, что важно для самого себя» (а позднее – «Что важнее для души твоей? Избранные мысли римского мудреца Марка Аврелия») и пользовался большой популярностью среди думающих и ищущих современников. Перевод Урусова был недостаточно точным, но отличался вдохновенностью. – *Прим. изд.*

и властелин, от личности которого зависело внести в общественный организм тревогу, ненависть, злобу и лицемерие или струю любви, стойкости и доверия, ибо в тогдашнем общественном строе не было и следа таких учреждений, которые бы могли ограничить или умерить верховную власть.

Если бы о царствовании Марка Аврелия не осталось даже никаких других следов, то одной записной книжки его было бы достаточно, чтобы пробудить живейший интерес к нравственному образу этого человека. Но избыточные сведения о нем, записанные в истории, усугубляют желание ознакомиться с внутренней жизнью его.

Императором Марком Аврелием заканчивается самый блестящий период римской истории, период Антонинов, и уже давно историки усвоили себе прием излагать эту эпоху, от Траяна до Марка Аврелия, в особом отделе под заглавием «Лучшие времена». Гиббон говорит: «Если бы кому-нибудь из историков поручено было указать на тот период всемирной истории, в продолжение которого человечество наслаждалось наибольшим благоденствием и спокойствием, то он без малейшего колебания мог бы указать на промежуток времени между смертью Домициана и возвышением Коммода.

Беспредельная Римская империя процветала в ту эпоху под самодержавием монархов, руководимых мудростью, добром и справедливостью. Законы гражданского управления свято соблюдались четырьмя следовавшими один за дру-

гим императорами: Нервой, Траяном, Адрианом и Антонином Кротким². Имея врожденную любовь к свободе в истинном ее смысле, они впервые добровольно признали свою ответственность перед законом».

Другой историк, Иоганн Мюллер, говорит: «Все эти императоры, казалось, вступили на престол в качестве лучших и мудрейших граждан. Неутомимая заботливость, благодетельная предусмотрительность – вот единственно то, что отличало их от прочих граждан, и исключительное преимущество, ими лично присвоенное, состояло только в том, что круг их благотворной деятельности был обширнее. Доступ к ним был свободнее, чем в республиках к патрициям. Закон об оскорблении величества впал в забвение. Одному из них, кроткому Антонину, случилось в бедственную годовщину голода проходить посреди народа, наполнявшего форум. Толпы в него стали кидать камнями. Тогда он остановился, спокойно объяснил причины бедствия и рассказал, какие им приняты меры. Никогда большинство человечества не наслаждалось более продолжительным благоденствием. Эта эпоха заставила забыть об утрате республики».

Вот этот-то добрый Антонин и усыновил Марка Аврелия и воспитал его как своего наследника. Сын последовал высокому примеру отца, его великодушию, доброте, кротости. Таковым является перед нами Марк Аврелий в возмущении правителя Сирии Авидия Кассия, который поднял зна-

² Антонином Пием. – Прим. изд.

мя бунта во время похода императора на сарматов, но был убит своими солдатами. Марк Аврелий сожалел о том, что смерть Авидия лишила его «радости обратить врага в друга» и на деле доказал всю искренность своего великодушия, умерив рвение сената в преследовании сообщников Авидия. Вот извлечение из указа, посланного сенату из императорского лагеря на Дунае, еще до получения известия о смерти Кассия: «Ныне я прошу и заклинаю вас, сенаторов, чтобы вы по делу Кассия умерили свою обыкновенную строгость и исполнили за себя и за меня долг милосердия, не присуждая Кассия к смерти. Напротив, если хотите почтить меня за победу над сарматами, даруйте амнистию и другим преступникам, обрадуйте печальных, возвратите изгнанных из заточения, призовите в Рим сосланных, отдайте им все богатства и имения их. Я ничего на свете так не желал бы, как оживления многих мертвых, а не присуждения к смерти живых. Я ни в одном из моих предшественников не хвалю жестокости и мщения. Прошу помиловать жену Кассия, детей и зятя его. Да что я говорю – помиловать. Они, бедные, ничего не сделали. Оставьте их в покое. Пусть все знают, как живется под державою Марка Аврелия. Отдайте им взятые у них поместья и богатства. Пускай они будут богаты. Дайте им прожить остальную жизнь свою так, чтобы они могли быть живыми доказательствами нашего человеколюбия. Сделайте остальное время моего царствования благоденственным. Пусть они и все те, которых ожидает наказание за оскорбление величе-

ства против моей особы, будут помилованы и прощены».

Когда в сенате читался этот цезарский указ, все собрание с изумлением и радостью слушало его. По окончании чтения раздался единодушный возглас: «Да здравствует кроткий Марк Аврелий!»

Многие порицатели Марка Аврелия обвиняют его в скудости. Но щедрость его к народу, огромные суммы, истраченные им для вспомоществования населению, разоренному в разное время пожарами, землетрясениями и голодом, и наконец, значительное понижение казенных податей и сложение недоимок – все это вполне опровергает ложное обвинение. Марк Аврелий был действительно бережлив, но лишь для того, чтобы рассыпать деньги без счета, когда дело шло о помощи и благоденствии подданных. Этот великий цезарь говаривал: «Подданные платят весьма охотно обыкновенные налоги, когда видят, что монарх тратит их не на роскошь, а на всенародную пользу, они благословляют бережливость, когда цель ее – щедрая помощь во время бедствий».

Войну он ненавидел как позор и бич человеческого рода. Возвращаясь из победоносных походов своих, он скорбел душою, и следы этой скорби остались в записной книжке его.

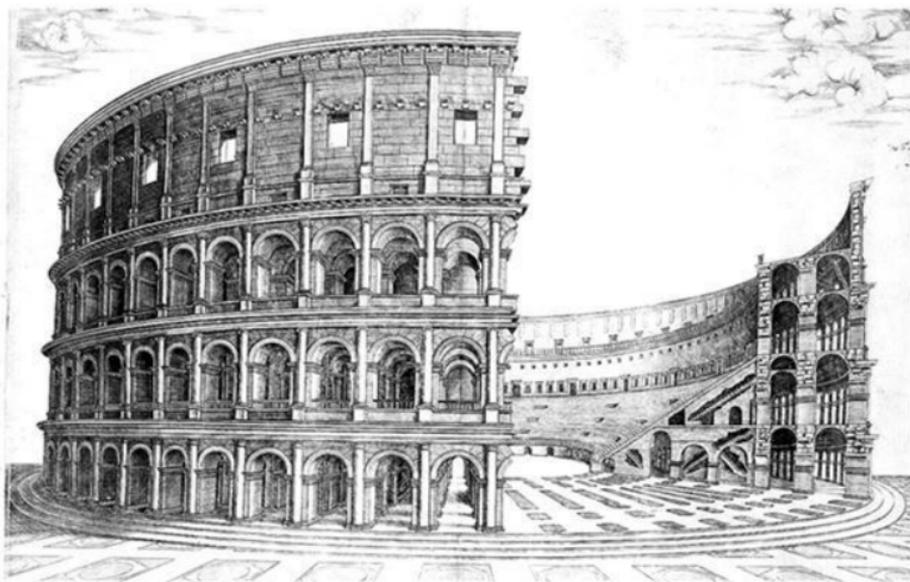
Что же это за философское учение, пробудившее столько величия души? Откуда взялись не только все основы истинной человечности, но и нравственная сила для приложения этих основ к ежедневной жизни? Записная книжка Марка Аврелия отчасти дает ответ на этот вопрос. <...>

Марк Аврелий записывал для себя одного. Мысли набросаны так, как они толпятся в голове человека, обремененного делами, который вспоминает вечером прожитый день. <...>

Император силою своего духа поднимается выше стоического учения, на котором был воспитан, и, врываясь в область чистой этики, зрелостью сознания своего приближается к учению Евангелия³.

³ Распространенно об этом высказался британский философ Джон Стюарт Милль. В своем сочинении «О свободе» он пишет: «Если когда-либо кто-нибудь из правителей был вправе считать себя лучше и просвещеннее своих современников, то это император Марк Аврелий. Абсолютный владыка всего цивилизованного мира, он всю жизнь был не только безупречным судьей, но и – чего можно меньше всего ожидать от стоика – сохранил нежнейшее сердце. Немногие недостатки, приписываемые ему, извинительны, а его сочинения – высочайший этический дар древности – мало чем отличаются от учения Христа. Если смотреть не догматически, то он, преследовавший христиан, был более христианином, чем почти все христианские короли. Император знал, что состояние общества плачевно. Он считал своим долгом не допустить его распада и не видел, как объединить общество, если существующие связи исчезнут. Новая религия открыто угрожала им, значит, его долг – не принять эту религию, а уничтожить. Теология Христа к тому же не казалась ему верной и богоданной. Странная история распятого бога была неправдоподобной, а система, покоящаяся на столь невероятной основе, не могла для него быть тем обновлением, которым оказалась после всех невзгод. Кротчайший и симпатичнейший из философов и царей с торжественным чувством долга начал гонения. По-моему, это один из трагичнейших фактов истории». (Цит. по: *Милль Дж. О свободе* / Пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. – 1993; № 12. С. 21–26.) – Прим. изд.

Первая книга

1⁴

От Вера⁵, моего деда, я унаследовал сердечность и незлобивость.

2

От славы моего родителя⁶ и оставленной им по себе памяти – скромность и мужественность.

3

От матери⁷ – благочестие, щедрость, воздержание не толь-

⁴ Как в настоящем, так и во всех остальных параграфах первой книги, глагола (здесь: «унаследовал»), выражающего отношение между упоминаемыми добродетелями, лицами, о которых говорит Марк Аврелий, и им самим, не имеется. Он замещен предлогом *παρά* (*ab*, от), начинающим каждый параграф и имеющим различные оттенки, не поддающиеся передаче одним русским предлогом. Можно только указать, что смысл всей книги не в выставлении напоказ собственных добродетелей, а в воздаянии должного благотворному влиянию окружающих.

⁵ Марк Анний Вер – дед Марка Аврелия с материнской стороны, римский сенатор, дважды бывший консулом.

⁶ Отец Марка Аврелия, Пубий Анний Вер, претор, умер в молодых годах. Его сестра Фаустина была женой Антония Пия.

⁷ Домиция Люцилла, дочь Кальпизия Тулла.

ко от дурных дел, но и дурных помыслов. А также – простоту образа жизни, далекую от всякой роскоши.

4

От прадеда⁸ – то, что не пришлось посещать публичных школ; я пользовался услугами прекрасных учителей на дому и понял, что на это стоит потратиться;

5

От воспитателя⁹ – равнодушие к борьбе между Зелеными и Голубыми¹⁰, победам гладиаторов с фракийским или галльским вооружением. Неприхотливость, выносливость в трудах, несуетливость и стремление к самостоятельности в решении дел, невосприимчивость к клевете.

⁸ Прадед Марка Аврелия с материнской стороны Катилий Север был дважды консулом.

⁹ Кого имеет здесь в виду Марк Аврелий, в точности неизвестно. Быть может, стоика Аполлония Халкидонского.

¹⁰ Зеленые и Голубые – партии на конских ристалищах, получившие свои названия по цветам наездников. Обычную пару гладиаторов составляли *murmillio*, вооруженный на галльский лад, т. е. шлемом, большим продолговатым щитом (*scutum*) и мечом, и *thraex*, вооруженный по-фракийски небольшим круглым щитом (*parma*) и коротким кривым мечом (*sica*).

6

От Диогнета¹¹ – нерасположение к пустякам, недоверие к рассказам чудотворцев и волшебников о заклинаниях, изгнании демонов и тому подобных вещах. А также и то, что не разводил перепелов¹², не увлекался глупостями, а отдался философии, слушая сначала Евтихия, затем Андрона и Мециана¹³. Уже с детских лет писал диалоги и любил простое ложе, звериную шкуру и прочие принадлежности эллинского образа жизни¹⁴.

7

От Рустика¹⁵ – мысль о необходимости исправлять и об-

¹¹ О Диогнете упоминает Капитолин в своем «Жизнеописании Марка Аврелия» как о специалисте в живописи.

¹² Разведение и бой перепелов – модный в то время спорт.

¹³ В тексте, собственно, другие имена: Бакхий, Тандасид и Маркиан. Но так как эти имена совершенно неизвестны, то авторы *Gatak.* и *Casaub.* предлагают заменить их именами преподавателей, о которых упоминает Капитолин. Евтихий преподавал грамматику, Андроном – геометрию, Мецианом – право.

¹⁴ По свидетельству Капитолина, Марк Аврелий уже с двенадцати лет вел почти аскетический образ жизни, рекомендуемый стоическим учением (*греч.* ελληνική ἀγωγή – «греческий образ жизни»).

¹⁵ Юний Рустик, философ-стоик, наставник и друг Марка Аврелия, пользовавшийся особым расположением императора.

разовывать свой характер, не уклоняться в сторону изощренной софистики и сочинения бессмысленных теорий, не составлять увещательных речей, не разыгрывать напоказ ни страстотерпца, ни благодетеля, не увлекаться риторикой, поэтическими украшениями речи, и не разгуливать дома в стóле¹⁶. Благодаря ему я пишу письма простым слогом – по примеру письма, написанного им самим из Синуэссы¹⁷ к моей матери. Я всегда готов к снисхождению и примирению с теми, кто в гневе поступил неправильно, оскорбительно, едва они сделают первый шаг к восстановлению наших прежних отношений. Я стараюсь вникнуть во все, что читаю, не довольствуясь поверхностным взглядом, но не спешу соглашаться с многоречивыми пустословами. Рустик первый познакомил меня с воспоминаниями об Эпиктете¹⁸, ссудив их из своей библиотеки.

8

От Аполлония¹⁹ – свободомыслие и осмотрительность, стремление неуклонно руководствоваться ничем иным, кро-

¹⁶ Стóла – длинная туника с рукавами, собственно часть туалета римской матроны, иногда носилась и мужчинами.

¹⁷ Синуэсса – город в Лацие на границе Кампании.

¹⁸ Эпиктет сам ничего не писал, и всеми нашими сведениями о его учении мы обязаны его ученику Арриану.

¹⁹ Стоик Аполлоний Халкидонский был приглашен Антонином Пием из Афин, чтобы взять на себя воспитание Марка Аврелия.

ме разума, оставаясь верным себе при невыносимой боли, потере ребенка и тяжелой болезни. На его примере я наглядно убедился, что в одном и том же лице величайшая настойчивость может сочетаться со снисходительностью. Когда приходится с трудом растолковывать что-либо, я не раздражаюсь и не выхожу из себя, ибо видел человека, который опытность и мастерство в передаче глубочайших знаний считал наименьшим из своих достоинств. От него я научился, каким образом следует принимать от друзей так называемые услуги, не чувствуя себя вечно обязанным, но и не проявляя равнодушия.

9

От Секста²⁰ – благожелательность, образец дома, руководимого отцом семейства, представление о жизни, согласно природе²¹, и подлинном величии, заботливое отношение к нуждам друзей, способность терпеливо сносить невежество, верхоглядство, самомнение и ладить со всеми. Общение с Секстом было приятнее всякой лести, да и у самих льстецов он пользовался величайшим почетом вопреки соб-

²⁰ Секст из Херонеи – стоик, внук Плутарха.

²¹ Согласно учению стоиков под природой следует понимать как общую, так и собственно человеческую природу. Так как наша природа является лишь частью целого, то жить согласно природе означает то же самое, что жить по опыту всего происходящего в природе.

ственному желанию. От него я научился методически находить и связывать между собою основополагающие правила жизни, не выказывать признаков гнева или какой-либо другой страсти, сочетать невозмутимость с самыми нежными почтительными привязанностями, пользоваться доброй славою, соблюдая благопристойность, накапливать знания, не выставляя их напоказ.

10

От Александра-грамматика²² я научился воздержанию от упреков и обидных замечаний тем, кто допускал варваризмы, коверкание и неблагозвучность речи, предлагая им надлежащие выражения в форме ответа, подтверждения или совместного разбора самого предмета, а не оборота речи либо посредством другого уместного приема напоминания.

11

От Фронтон²³ – понимание того, что тирания влечет за собой клевету, изворотливость, лицемерие и что, вообще,

²² Александр Грамматик, родом из Фригии, преподавал Марку Аврелию греческий язык. Из его трудов известен комментарий к поэмам Гомера.

²³ Корнелий Фронто, знаменитый ритор, основатель школы фронтянцев, один из наиболее близких к Марку Аврелию людей. В его сочинениях сохранилось и несколько посланий к нему Марка Аврелия.

люди, слывающие у нас аристократами, отличаются бессердечием и черствы душой.

12

От платоника Александра²⁴ я научился избегать частых, не вынужденных обстоятельствами ссылок в письмах и разговорах на свою занятость и не увиливать от обязанностей по отношению к ближним под предлогом «неотложных» дел.

13

От Катулла²⁵ – внимательность к жалобам друзей, даже неосновательным и вздорным, стремление к улаживанию всех конфликтов, чистосердечная уважительность в отношении к своим учителям, желание воздать им хвалу, как это делали, судя по воспоминаниям, Домиций и Афинодот²⁶, а также – истинная любовь к детям.

²⁴ Согласно Филострату, этот Александр исполнял обязанности секретаря Марка Аврелия.

²⁵ Цинна Катулл – стоический философ, о котором упоминает Капитолин.

²⁶ Имена совершенно неизвестные.

От брата моего Севера²⁷ – любовь к близким, любовь к истине и справедливости. Полученные благодаря ему знания о Тразее, Гельвидии, Катоне, Дионе, Бруте²⁸ и представление о государстве с равными для всех законами, устроенном на началах равноправия и всеобщего равенства, о власти, ставящей превыше всего свободу граждан. Ему же я обязан неизменным почтением к философии, благотворительностью, постоянством в щедрости, надеждами на лучшее и верою в дружеские чувства. Он никогда не скрывал осуждения чьих-либо проступков, а его друзьям не приходилось догадываться о его желаниях – они были всем ясны.

²⁷ Кого имеет здесь в виду Марк Аврелий, говоря о «брате Севере», сказать очень трудно. Родных братьев у него совсем не было, его брат по усыновлению носил имя не Севера, а Вера, и был менее всего достоин такой лестной аттестации. *Gatak.* предлагает читать φίλον («друг, товарищ») вместо ἀδελφον («брат») и думает, что Марк Аврелий говорит о Клавдии Севере, перипатетике, своем учителе.

²⁸ Тразея Пет (*Thræsea Paetus*) и Гельвидий Приск (*Helvidius Priscus*) известны из Тацита (Анналы, книги XIII, XVI, XXI): их республиканский образ мыслей и стоическая твердость навлекли на них гнев Нерона. Первый был казнен (он вскрыл себе жилы), второй – изгнан. Катон Утический (также Марк Порций Катон Младший; именно его имеет здесь в виду Марк Аврелий) и М. Брут достаточно известны. Дион, друг Платона, после изгнания (336 г. до н. э.) из Сиракуз жил в Греции, где вращался в кругу философов.

15

От Максима²⁹ – самообладание, неподатливость чужим влияниям, бодрость в трудных обстоятельствах, в том числе и болезнях, уравновешенный характер, обходительность и чувство собственного достоинства, старательность в своевременном исполнении очередных дел. Что бы ни говорил Максим, все верили в его искренность, что бы ни делал – в его добрые намерения. У него я научился ничему не удивляться, не поражаться, ни в чем не спешить и не медлить, не теряться, не предаваться унынию, не расточать излишние похвалы, вызывающие позднее гнев и подозрительность, а быть снисходительным, оказывать благодеяния, чуждаясь лжи, имея в виду непоправимость содеянного, а не запоздалые исправления.

Он умел шутить, соблюдая благопристойность, не выказывая презрительного высокомерия, но никто не считал себя выше его.

16

От отца³⁰ – кротость и непоколебимая твердость в тща-

²⁹ Клавдий Максим, стоический философ, упоминается Капитолином. Нравственная доблесть его характера снискала ему уважение Антонина Пия.

³⁰ Марк Аврелий имеет в виду своего усыновителя, императора Антонина Пия.

тельно обдуманнх решениях, отсутствие интереса к мнимым почестям, любовь к труду и старательность, внимание ко всем, кто может внести какое-либо общепольное предложение, неизменное воздаяние каждому по его достоинству, понимание того, где нужна строгость, а где большая мягкость. Благодаря отцу – прекращение любовных дел с мальчиками и преданность общественным делам. Отец разрешал своим друзьям не являться на его обеды и не обязательно сопровождать его в путешествиях; те, кто отлучались по своему делу, при возвращении сохраняли его прежнее расположение. Во время совещаний он упорно настаивал на исследовании всех обстоятельств дела и не спешил положить конец обсуждению, довольствуясь первым встретившимся решением. Он сохранял постоянство в отношениях с друзьями, не меняя их из-за пресыщения, но и не поддаваясь чрезмерному увлечению ими. Самостоятельность во всем, ясный ум, предвидение событий далеко вперед, предусмотрительная распорядительность во всем вплоть до мелочей без тени кичливости своими способностями. Приветственных кликов и всяческой лести при нем стало меньше. И неусыпная охрана того, что необходимо государству, бережливость в расходах и выдержка, когда это ему ставилось в вину. И не было у него суеверного страха перед богами, а что касается людей, то не было ни заискивания перед народом, ни стремления понравиться, ни угодливости перед толпой, а напротив – трезвость и основательность; и никогда – безвкусной пого-

ни за новизной. Всем тем, что делает жизнь легкой – а это судьба давала ему в изобилии, – он пользовался и скромно, и вместе с тем охотно, так что он спокойно брал то, что есть, и не нуждался в том, чего нет. И никто не сказал бы про него, что он софист, вульгарный болтун или педант, а напротив, – что он человек сложившийся, совершенный, чуждый лести и способный руководить и своими, и чужими делами. Вдобавок он ценил истинных философов, а остальных не порицал, хотя и не поддавался им. Кроме того, общительность и обходительность, но не через меру. О своем теле он заботился надлежащим образом, не как какой-нибудь жизнелюбец и не напоказ, однако и не пренебрегал им, чтобы благодаря уходу за телом как можно меньше нуждаться в медицине, во внутренних и наружных лекарствах.

В особенности же он без всякой зависти уступал людям, в чем-либо выдающимся, будь то выразительная речь, исследование законов, или нравов, или еще что-нибудь.

Он содействовал тому, чтобы каждый был в чести соответственно своим дарованиям.

Хотя он во всем соблюдал отеческие обычаи, однако никому не было заметно, чтобы он старался их соблюсти – то есть эти отеческие обычаи. Кроме того, в нем не было непоседливости и метаний, он проводил время в одних и тех же местах и занятиях. И после приступов головной боли он бывал сразу же свеж и полон сил для обычных трудов.

Немного у него бывало тайн, напротив, очень мало, да и

редко когда; все они касались исключительно государственных дел. Он был благоразумен и умерен в устройстве зрелищ, в строительстве и в раздаче пособий. Он обращал внимание на самое выполнение долга, а не на славу, которую приносит выполнение долга.

Он не пользовался банями в неурочное время, не увлекался постройкой роскошных зданий, был непритязателен в еде, тканях, цвете одеяний, выборе красивых рабов. В Лориуме он носил стóлу, изготовленную в близлежащем поместье, в Ланувии по большей части ходил одетым в хитон, в Тускулане носил плащ, считая нужным извиняться в этом – таков он был во всем³¹. Не было в нем ничего грубого, непристойного, необузданного, ничего такого, что позволило бы говорить об «усердии не по разуму», напротив, он все разбирал во всех подробностях, словно на досуге, спокойно, по порядку, терпеливо, соответственно сути дела. К моему отцу подошло бы то, что рассказывают о Сократе – он мог именно и воздерживаться, мог и пользоваться всем тем, относительно чего большинство людей бессильно в воздержании и неумеренно в пользовании³². Быть стойким и в том и в другом, быть сильным и трезвым в суждениях – это свойство человека с совершенной и непобедимой душой. Имен-

³¹ Текст основательно испорчен. Мы передаем это место согласно толкованию исследователя *Gatak.* и *Salmas.* Лориум – небольшой городок на границе Этрурии и Лация, любимая резиденция Антонина Пия. Ланувий и Тускулан – города в Лации.

³² См. «Воспоминания о Сократе» Ксенофонта.

но таким он показал себя во время болезни Максима.

17

От богов – то, что у меня хорошие деды, хорошие родители, хорошая сестра, хорошие учителя, хорошие домочадцы, родичи, друзья, почти все. И то, что я никого из них ничем не обидел, хотя у меня есть такая склонность и при случае я мог бы это сделать.

Благоденствие богов, что не было такого стечения обстоятельств, которое посрамило бы меня.

И то, что я недолго воспитывался у любовницы моего деда. И что я спас свою юность; и что я не возмужал преждевременно, но еще и несколько отсрочил это.

Я научился подчиняться начальнику и отцу, который намеренно искоренял во мне всякую спесь и внушал мне, что даже при дворе не нужны ни телохранители, ни роскошные одеяния, ни факелы, ни статуи и тому подобная пышность, но что есть возможность ограничить себя, приближаясь как можно больше к быту частных лиц, и что от этого вовсе не сделаешься более медлительным и робким, когда надо проявить силу в делах правления.

Я имею такого брата³³, который по своим нравственным свойствам мог побудить меня к развитию и вместе с тем ра-

³³ По свидетельству Капитолина, брат Марка Аврелия по усыновлению Луций Вер, несмотря на свою порочность, относился к нему с любовью и уважением.

довал меня и почетом и любовью.

Дети мои уродились неглупыми и без телесных недостатков. Хорошо и то, что я не оказал особых успехов ни в риторике, ни в поэтике, ни в остальных занятиях, которым я, пожалуй, предался бы, если бы чувствовал, что быстро иду в них вперед.

Я не замедлил обеспечить моим воспитателям то почетное положение, которого они, как мне казалось, желали, и не откладывал осуществление их надежд на последующее время под предлогом, что они еще молоды.

И то, что я познакомился с Аполлоном, Рустиком и Максимом. Часто и отчетливо возникало у меня представление о том, какова жизнь, согласная с природой, так что, поскольку это зависит от богов и от исходящих от них даров, воздействий и внушений, ничто уже не мешает мне жить согласно природе, а если меня на это не хватает, то только по моей вине и оттого, что я не соблюдаю исходящих от богов напоминаний и чуть ли не прямых наставлений.

И то, что я настолько еще сохранил свое здоровье при такой жизни. И то, что я не коснулся ни Бенедикты, ни Федота³⁴, да и впоследствии оставался здоровым, когда овладевали мной любовные страсти. Я часто сердился на Рустика, но ничего не сделал такого, о чем бы потом пожалел.

Родительница моя, которой предстояло умереть молодой, все же прожила вместе со мной свои последние годы.

³⁴ Имена неизвестны.

Сколько бы раз я ни захотел помочь какому-нибудь бедняку или в чем-нибудь нуждающемуся, мне никогда не довелось слышать, что у меня нет денег для этого. Да и мне самому не приходилось впадать в такую нужду, чтобы занимать у другого.

И то, что жена у меня такая послушная, так нежно любимая, такая простодушная³⁵.

И то, что в изобилии имелись подходящие воспитатели для детей.

Богам я обязан и за то, что в сновидениях мне была дана помощь, в особенности – против кровохарканья и головокружения, что бывало в Кайете...³⁶

И то, что, когда я стремился к философии, я не наткнулся на какого-нибудь софиста, не сидел над сочинениями историков, не занимался разбором умозаключений и не предавался изучению небесных светил.

Ведь все это нуждается в помощи богов и судьбы.

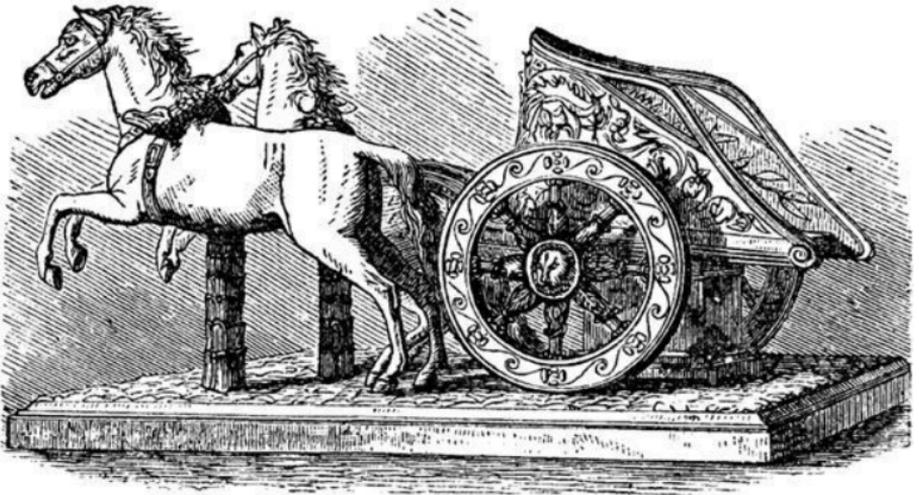
Писано в области квадов, на берегу Грануи³⁷.

³⁵ Фаустина, дочь Антонина Пия, по единогласному свидетельству более беспристрастных историков, образец распутства и порока.

³⁶ Текст испорчен. Мы следуем чтению *Gatak.*: Кайета – город и гавань в Кампании.

³⁷ Страна квадов занимала часть современной Венгрии. Грануя (Гран) – приток Дуная.

Вторая книга

1

Поутру следует сказать себе: «Сегодня мне придется столкнуться с людьми навязчивыми, неблагодарными, заносчивыми, коварными, завистливыми, неуживчивыми. Эти свойства проистекают от незнания ими добра и зла. Я же, познавший прекрасную природу добра и постыдную – зла, понимаю и природу тех, кто заблуждается. Они мне родственны не по крови и происхождению, а по божественному соизволению и разуму. Я защищен знанием от их зла. Они не

могут вовлечь меня во что-либо постыдное. Но нельзя и гнеться и ненавидеть тех, кто мне родственен. Мы созданы для совместной деятельности, как ноги и руки, веки, верхняя и нижняя челюсти. Поэтому противодействовать друг другу – противно природе; а досадовать и чуждаться таких людей и значит им противодействовать».

2

Чем бы я ни был, я только немощное тело, слабое проявление жизненной силы³⁸ и господствующего начала. Оставь книги, не отвлекайся от дела, время не терпит³⁹. Пренебреги своим телом, как будто ты при смерти. Оно лишь кровь да кости, брэнное плетение нервов, жил и артерий. Рассмотря также существо жизненной силы; оно – изменчивое дуновение, каждое мгновение то вдыхаемое, то выдыхаемое.

Итак, остается лишь третье – господствующее начало, о нем-то ты должен подумать. Ты стар: не допускай же более его порабощения, не допускай, чтобы им помыкали противоборствующие стремления, чтобы оно жаловалось на свой настоящий удел и приходило в ужас пред будущим.

³⁸ Πνευμάτιον – уменьшительное от πνεύμα («пневма»), одного из основополагающих и в то же время многозначных терминов стоической натурфилософии. Его первоначальное значение – теплый воздух, воздушное течение. Но в различных сочетаниях он обозначает огонь, эфир, душу, разум, божество.

³⁹ Эту фразу *Stich.* считает не принадлежащей к контексту вставкой.

3

Созидаемое богами преисполнено промысла. Приписываемое случаю также возникает не без участия природы, то есть в связи с тем, над чем господствует промысел. Все происходит из этого источника, в нем и неизбежное, и полезное всему миру, часть которого – ты. Для всякой части природы благо то, что производит природа Целого и что содействует ее поддержанию. Изменения как элементов, так и сложных тел способствуют поддержанию мира. Вот мысли, которые должны дать тебе удовлетворение, пусть они будут твоими основоположениями. Умерь жажду книжного знания, чтобы не роптать, когда придет смерть. Уходя из жизни, храни спокойствие духа, воздав богам искреннюю, сердечную благодарность.

4

Вспомни, с каких пор ты откладываешь эти размышления и сколько раз, получив у богов отсрочку, ты не воспользовался ею. Следует в конце концов осознать, к какому миру ты принадлежишь как часть, истечением какого мироправителя ты являешься. Знай, что положен предел времени твоей жизни, и если не воспользуешься им для собственного про-

свещения, оно исчезнет, как исчезнешь и ты, и более не вернется.

5

Заботься о деле, которым сейчас занят, чтобы выполнить его достойно римлянина и мужа, с полной серьезностью, искренностью, с любовью к людям и справедливостью. Отстрихни от себя иные побуждения.

Будет удача, если каждое дело исполнишь как последнее в своей жизни, освободившись от безрассудства, подогреваемого страстями, пренебрежения к велениям разума, лицемерия, себялюбия и недовольства собственной судьбой.

Видишь, как скромны требования, исполнив которые всякий сможет достичь блаженной, божественной жизни. Да и сами боги от того, кто исполняет это, ничего большего не требуют.

6

Ну, что ж, пренебрегай, пренебрегай собой, душа! Ведь отнестись к себе с должным вниманием ты уже скоро не сможешь. Жизнь вообще мимолетна, твоя жизнь уже на исходе, а ты не уважаешь себя, но ставишь свое благоденствие в зависимость от душ других людей.

7

Пусть не рассеивает тебя приходящее к тебе извне! Создай себе досуг для того, чтобы научиться чему-нибудь хорошему и перестать блуждать без цели. Следует беречься также и другого тяжкого заблуждения. Ведь безумны люди, которые всю жизнь без сил от дел и не имеют все-таки цели, с которой они сообразовали бы всецело все стремления и представления.

8

Нелегко указать на кого-либо, кто стал бы несчастным от того, что был невнимателен к происходящему в чужой душе. Но неизбежно будет несчастен тот, кто не следит за движениями своей собственной души.

9

Всегда следует помнить о том, какова природа Целого, какова моя природа, каково отношение одной к другой и какой частью какого Целого является природа меня самого, а также о том, что никто не может помешать всегда действовать и говорить согласно природе, частью которой ты являешься.

10

Феофраст, оценивая различные проступки (поскольку такая оценка возможна с обычной точки зрения⁴⁰), замечает как истинный философ, что проступки, сделанные по влечению, более тяжкие, чем проступки под влиянием гнева. Ведь гневающийся, отвернувшись от разума, испытывает, по-видимому, какую-то горечь и тайное сокрушение; прегрешающий же по влечению, не будучи в силах устоять перед соблазном наслаждения, проявляет, по-видимому, в своих проступках большую распушенность и изнеженность. Правильно поэтому решает Феофраст, что большего порицания заслуживает проступок, сопряженный с наслаждением, нежели сопряженный с горем. Вообще один из этих людей подобен скорее тому, кого вызвало на гнев чувство горечи, связанное с причиненной ему ранее несправедливостью; другой же самопроизвольно стремится к несправедливости, увлекаемый своим вожделением к какому-нибудь действию.

11

Все следует делать, обо всем говорить и помышлять так,

⁴⁰ Марк Аврелий говорит об обычной точке зрения, так как с точки зрения стоиков все проступки одинаково тяжки.

как будто каждое мгновение может оказаться для тебя последним. Если боги существуют, то выбыть из числа людей вовсе не страшно: ведь боги не ввергнут тебя во зло. Если же богов не существует или им нет дела до людей, то что за смысл жить в мире, где нет богов или нет промысла? Но боги существуют и проявляют заботливость по отношению к людям. Они устроили так, что всецело от самого человека зависит, впасть или не впасть в истинное зло. А если злом является и что-нибудь другое, то они позаботились также, чтобы от каждого зависело не впасть в оное. Но то, что не делает худшим человека, может ли сделать худшей жизнь человеческую? Природа Целого не могла оплошать таким образом ни по неведению, ни по бессилию предупредить или исправить, в случае если она обладает всезнанием; не могла бы она также ни по бессилию, ни по неумелости допустить такую ошибку, как распределение благ и зла между всеми людьми без разбора, как между хорошими, так и между дурными. Смерть и жизнь, слава и бесчестье, страдание и наслаждение, богатство и бедность – все это одинаково выпадает на долю как хорошим людям, так и дурным. Все это не прекрасно и не постыдно, а следовательно, не благо и не зло.

12

Как быстро все исчезает: самые тела в мире, память о них в вечности! Каково все воспринимаемое чувствами, в осо-

бенности то, что манит нас наслаждением, или отпугивает страданием, или прославляется тщеславием? Как все это ничтожно, презренно, низменно, бренно и мертво! Вот на что следует направить способность мышления. Что представляют собою те, убеждения и голоса которых рождают славу? Что такое смерть? Если взять ее самое по себе и отвлечься от всего, что вымышлено по ее поводу, то тотчас же убедишься, что она не что иное, как действие природы. Бояться же действия природы – ребячество; смерть же не только действие природы, но и действие, полезное ей.

Как и какую часть своего существа соприкасается человек с богом и что делается с этой частью по ее отделении?

13

Нет ничего более жалкого, нежели человек, измеряющий все вдоль и поперек, пытающийся, как говорит поэт, «мерить просторы земли, спускаясь под землю»⁴¹, разгадать тайну душ окружающих его людей, но не сознающий, что для него вполне достаточно общения только со своим внутренним гением и честного служения ему. Последнее же заключается в том, чтобы оберечь его от страстей, безрассудства и недовольства делами богов и людей. Дела богов почтенны своим совершенством, дела людей любезны нам в силу род-

⁴¹ Слова Пиндара, приводимые Платоном в «Феатете».

ства с ними. Но иногда последние возбуждают некоторого рода жалость: когда в них проявляется неведение добра и зла – уродство не меньшее, нежели неспособность различать белое и черное.

14

Если бы даже ты рассчитывал прожить три тысячи лет и еще тридцать тысяч, все же ты должен помнить, что никто не лишается другой жизни, кроме той, которую он изживает, и никто не изживает другой жизни, кроме той, которой лишается. Поэтому самая продолжительная жизнь ничем не отличается от самой краткой. Ведь настоящее для всех равно, а следовательно, равны и потери – и сводятся они всего-навсего к мгновению. Никто не может лишиться ни минувшего, ни грядущего. Ибо кто мог бы отнять у меня то, чего я не имею?

Итак, следует помнить о двух истинах. Во-первых: все от века равно самому себе, пребывая в круговороте, и потому вполне безразлично, наблюдать ли одно и то же сто лет, или двести, или же бесконечное время. Во-вторых: наиболее долговечный и умерший, лишь начав жить, теряют, в сущности, одно и то же. Настоящее – вот все, чего можно лишиться, ибо только им и обладаешь, а никто не лишается того, чем не обладает.

15

Все зависит от убеждения. Это ясно из изречений циника Монима⁴². Но и польза его слов будет ясна для того, кто сумеет уловить заключающееся в них ядро истины.

16

Наибольшим позором покрывает себя душа человеческая, когда возмущается против мира, становясь (поскольку то зависит от нее) как бы болезненным наростом на нем. Ибо ропот по поводу чего-либо происходящего есть возмущение против природы Целого, содержащего в своей части все другие существа. Далее, когда она чуждается какого-либо человека или устремляется против него с намерением причинить ему вред, как это бывает с разгневанными. В-третьих, она покрывает себя позором, когда не в силах устоять против наслаждения или страдания. В-четвертых, когда она лицемерит и фальшиво и неискренно делает что-нибудь или говорит. В-пятых, когда она не сообразует своего действия и стремления с целью, но делает что-нибудь зря и без толку, ибо даже в пустяках следует сообразоваться с целью. Целью

⁴² Речь о Мониме из Сиракуз, ученике Диогена и Кратеса. По свидетельству Диогена, под шутливой формой его изречения скрывались серьезные и значительные мысли.

же разумных существ является повиновение разуму и закону древнейшего града и устройства.

17

Время человеческой жизни – миг; ее сущность – вечное течение; ощущение – смутно; строение всего тела – брэнно; душа – неустойчива; судьба – загадочна; слава – недостоверна. Одним словом, все относящееся к телу, подобно потоку, относящееся к душе – сновиденью и дыму. Жизнь – борьба и странствие по чужбине; посмертная слава – забвение. Но что же может вывести на путь? Ничто, кроме философии. Философствовать же – значит оберегать внутреннего гения от поношения и изъяна, добиваться того, чтобы он стоял выше наслаждений и страданий, чтобы не было в его действиях ни безрассудства, ни обмана, ни лицемерия, чтобы не касалось его, делает или не делает чего-либо его ближний, чтобы на все происходящее и данное ему в удел он смотрел, как на приистекающее оттуда, откуда изошел и он сам, а самое главное – чтобы он безропотно ждал смерти, как простого разложения тех элементов, из которых слагается каждое живое существо. Но если для самих элементов нет ничего страшного в их постоянном переходе друг в друга, то где основания бояться кому-либо их общего изменения и разложения? Ведь последнее согласно с природой, а то, что согласно с природой, не может быть дурным.

*Карнунт*⁴³

⁴³ Город в Паннонии, место зимовки в войне с маркоманами.

Третья книга

1

Пойми не только то, что жизнь убывает с каждым днем и остается все меньшая ее доля, но и то, что при очень долгой жизни не всегда сохраняется сила мысли для понимания происходящего и постижения дел божеских и человеческих.

Если человек тупеет, это не отражается на его дыхании, пищеварении, воображении, желаниях и тому подобном. Но слабеет власть над самим собой. Он уже не понимает своих обязанностей, не способен разобраться в окружающем и не может дать себе отчет в том, что уж лучше расстаться с такой жизнью. Все это требует твердого разума, который уже потерян безвозвратно. Итак, нужно торопиться не только потому, что мы все ближе подходим к смерти, но и потому, что еще при жизни нас подстерегает потеря способности правильного понимания и наблюдения вещей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.